

Le Monde en France: 75 c.

Le Monde en France: 75 c.

РОССИЯ И СЛАВЯНСТВО

Органъ національно-освободительной борьбы и славянской взаимности

HEBDOMADAIRE RUSSE

La Russie et le Monde Slave

Fondateur: Pierre STRUVE

Редакторъ: К. И. ЗАЙЦЕВЪ

Directeur: Cyrille ZAITSEFF

Еженедѣльная газета при ближайшемъ участіи
Петра Струве

РЕДАКЦИЯ И КОНТОРА:

9, rue Le Goff - Paris (V)

Tél.: Gobelins 65-95, 12-86

Пріемъ въ редакціи ежедневно отъ 4-8 ч. в.

Контора открыта отъ 1 до 4 ч. д.

РѢчь о Чеховѣ въ Сорбоннѣ

въ День Русской Культуры

Въ этомъ году мнѣ выпала еще разъ съ привѣтствовать, отъ имени Сорбонны, организаторовъ и публику «Дня русской Культуры». Для этого привѣтія мнѣ нѣтъ нужды повторять вамъ я рѣчи прошлыхъ лѣтъ: вы знаете, о вы здѣсь у себя — студенты съ давнихъ временъ Тредьяковского, проэссора — съ тѣхъ поръ, какъ дикая революція выкинула ихъ изъ Россіи. Мы съ признательны, и тѣмъ и другимъ, за честь, которую они намъ оказываютъ, возвращаясь въ эти злосчастные дни въ нашъ старый домъ. Я ихъ благодарю за у честь, я, выполнивъ этотъ долгъ, обращаюсь къ предмету сегодняшняго рржества.

Предметъ этотъ заключается въ возниіи хвалы продолжающимся въ саыхъ тяжелыхъ условіяхъ усиленіи части русскую культуру для зарубежнаго иношества, но въ этомъ году къ ему присоединяется также поминование рогото и печальнаго юбилея. На іяхъ исполняется 25 лѣтъ съ того дня, гда въ маленькой виллѣ въ Шварцальцѣ, въ Баденвейлерѣ, преждевременно и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣ долгой тяжкой болѣзни умиръ Антонъ Чеховъ. е вспомнить о немъ, не вызвать въ ашемъ представленіи его творчества ыло бы невозможно, и г. Мочульскій іблаетъ это сейчасъ со свойственнымъ му большимъ знаніемъ дѣла. Мнѣ остаалось бы только слушать и такъ же, акъ и вамъ, извлекать пользу изъ его довѣ, но организаторы этого собранія ожелали, чтобы я также воздалъ свою анъ памяти Чехова. Это честь, котоую я принимаю съ большимъ удовольіемъ, ибо Чехова я люблю уже давно, — но и не безъ нѣкотораго смущенія. іроизно я знаю о Чеховѣ меньше, чѣмъ В. Мочульскій; и ужъ навѣрное я поіамаю его меньше: вѣдь во всякомъ лідатіи творчествѣ есть стороны, до доступны иностранцу. Я утѣшаюсь, вспоминая слова самого Чехова о ъмъ, что только глухие люди понимаютъ все. Но я не рѣшился бы говорить амъ о своихъ недоумѣніяхъ насчетъ Чехова, если бы они не могли имѣть для ась нѣкотораго интереса: не сообщаямъ ничего новаго о Чеховѣ, они обнаужаютъ передъ вами, по крайней мѣрѣ, ѣкоторыя изъ тѣхъ трудностей, которыя приходится преодолѣть иностранцу, тобы проникнуть болѣе или менѣе въ укъ русскаго произведенія.

Я знаю о Чеховѣ, что онъ врачъ, гда 35 лѣтъ тому назадъ впервые отрылъ его первый томъ — «Арабески» — и, признаюсь, сдѣлалъ это безъ большого довѣрія: представленія объ юмостѣ и врачѣ не легко вяжутся между обую. Я началъ наудачу съ «Дочери ѡбюбона», и мнѣ нѣтъ нужды говорить, го, попавъ столь удачно, я не останавливаясь прочиталъ весь томъ. Никогда аньше не приходилось мнѣ встрѣчать русскаго писателя, который былъ бы толь веселъ, веселостью столь естественной и столь непринужденной, и корый въ то же время въ такой степени адѣлъ бы перомъ. Нѣкоторые изъ его азсказовъ, напримѣръ «Налимъ» или «Изно въ мѣшкѣ», были шедеврами изнности, быстроты, остроумія. Кто аучилъ этого врача такому искусству асать?! Мы, французы, имѣемъ слаюсть объяснять это искусство, встрѣая его у иностранца, вліяніемъ наіихъ образцовъ; но Чеховъ вѣдь въ то ремя плохо зналъ эти образцы, и было бы смѣшно возводить его къ нимъ чезъ любимаго писателя его молодости тургенева. На самомъ дѣлѣ у него былъ даръ, необъяснимый никакимъ вліяніемъ. Откуда этотъ даръ къ нему приелъ этого мы никогда не узнаемъ.

Позже, читая рассказы болѣе зрѣлые, я обрѣлъ въ немъ, поэта, котораго онъ, бытъ можетъ, самъ въ себѣ не зналъ. Ѥ одномъ письмѣ къ Суворину, около 1892 года, онъ изумляется, что Мережковский могъ написать о немъ: «Въ «Степи» есть, пожалуй, стихотворенія въ прозѣ». Но поэзія присутствуетъ въ его прозаическомъ не только въ «Степи». Я вспоминаю его описаніе солнечнаго заката на Бенгальскомъ заливѣ, описанія Венеціи и Ниццы, которая сама по себѣ оправдывала бы слова Мережковского и которыя все же не стоятъ его картинъ Великороссіи, картинъ, по большей части печальныхъ и сѣрыхъ, напримѣръ, въ «Свирѣли» или въ «Студентѣ», но всегда оставляющихъ острое впечатлѣніе. Въ другихъ мѣстахъ, когда идетъ рѣчь объ его родномъ краѣ, о «Хохландіи», какъ онъ его называетъ въ шутку, у него, можетъ быть, являются болѣе богатая краски, но блескъ ихъ трогаетъ меньше, чѣмъ грустные тона его осени или его задумчивыхъ весень. Я не знаю рассказа, пропущаута большей поэзіей, чѣмъ рассказъ «Святой ночью», а между тѣмъ описаніе въ немъ сведено къ нѣсколькимъ черточкамъ.

Въ самомъ дѣлѣ его описанія, за исключеніемъ «Степи», лишь служатъ рамкой для его персонажей, и именно въ нѣкоторыхъ изъ этихъ персонажей онъ вкладываетъ больше всего поэзіи. Не то, чтобы онъ ихъ идеализировалъ — онъ писатель объективный, реалистъ, да къ тому же еще и юмористъ, слѣдовательно склоненъ больше, чѣмъ другіе, выдвигать впередъ смѣшныя черты. Но въ ряду этихъ обезличенныхъ или смѣшныхъ персонажей, онъ натыкается порой на

существо болѣе слабое, болѣе нѣжное и тогда онъ исчерпываетъ весь запасъ своего искусства, чтобы, внушить намъ любовь къ нему. Помните ли вы образъ, немного неотчетливый, Мисюсъ въ «Домѣ съ мезониномъ» или монаха Іеронима «Святой ночи»? Мы далеки здѣсь отъ реализма, а между тѣмъ всѣ черты тутъ реальныя или могутъ быть реальными. Таково же въ «Красавицахъ» описаніе маленькой армянки, очаровывающей всѣхъ, а потомъ — дѣвушки, мелькомъ увидѣнной на платформѣ вокзала, мѣнѣе красивой, чѣмъ армянка, можетъ быть просто нарядной, но тоже очаровывающей всѣхъ вплоть до машиниста отходящаго поѣзда. Не думаю, чтобы когда либо кто-нибудь болѣе твердой и болѣе деликатной рукой прикасался къ тайнѣ, которую представляетъ власть красоты.

Вотъ всего этого Чехова, поэта, психолога, писателя, юмориста, мы понимаемъ, мы любимъ его безъ труда. Но есть другой Чеховъ, передъ которымъ мы останавливаемся въ недоумѣніи, Чеховъ послѣднихъ лѣтъ, когда его первоначальный молодой задоръ смѣнился страшнымъ пессимизмомъ, оставляющимъ далеко позади пессимизмъ всѣхъ русскихъ писателей, — а, видите Богъ, они въ общемъ достаточные пессимисты! За рѣдкими исключеніями всѣ его персонажи въ это время неудачники, лишніе люди, какъ у Тургенева, но въ гораздо болѣе шей степени. Тургеневъ казнить болѣе или менѣе своихъ «интеллигентовъ», но онъ тамъ и сямъ падитъ болѣе простыхъ героевъ, не притязающихъ на то, чтобы мыслить. Чеховъ же не видитъ болѣе ничего, кромѣ неудавшихся несчастныхъ жизней, и при томъ во всѣхъ сословіяхъ; у его героевъ все болѣе, и душа, и тѣло. Среди нихъ въ изобиліи встрѣчаются полусумасшедшіе и чахоточные. Сама Россія больна, не Россія политическая, которая его не интересуется, а физическая плоть Россіи, русская природа. Помните вы рѣчи Астрова въ «Дядѣ Ванѣ», или пастуха въ «Свирѣли», кончающіеся однимъ и тѣмъ же — всеобщимъ упадкомъ («все медиче и медиче»), а затѣмъ, безъ смѣнныя — смертью такой же роковой, какъ смерть чахоточнаго Гусева или доктора изъ «Палаты № 6».

И вотъ, этотъ всеобъемлющій пессимизмъ насъ удивляетъ и отталкиваетъ. О! дѣло не въ томъ, что мы не знаемъ причинъ, которыми онъ объясняется. Мы знаемъ, что Чеховъ самъ былъ боленъ, что онъ не могъ не знать, что онъ обреченъ. Творчество чахоточнаго, какимъ онъ сталъ, не могло походить на творчество молодого и здороваго Чехова въ московскіе годы. Мы знаемъ также, что требованія критики, а можетъ быть и кубрики, заставили его писать длинные рассказы, въ которыхъ его таланту было не по себѣ. Когда онъ дописывалъ послѣднюю строчку, у него бывало ощущение—это его собственныя слова—что онъ произвелъ на свѣтъ что-то вроде Крыловскаго «Тришкина кафтана». Мы знаемъ также, что отъ него требовали идей, требовали, чтобы онъ доказалъ большими произведеніями, что онъ не просто увеселитель, выскочка изъ легкой литературы, что онъ раздѣляетъ надежды и страсти окружающей его Россіи. Онъ же не раздѣлялъ ни тѣхъ, ни другихъ; не вѣря въ разныя политическія и социальныя панацеи, онъ возвращался неизмѣнно къ своему скептицизму, т. е. къ своему пессимизму. А потомъ, пожалуй, въ концѣ концовъ, этотъ пессимизмъ былъ оправданъ. Происшедшія съ тѣхъ поръ въ Россіи событія полностью подтвердили самыя мрачныя предвидѣнія.

Но какъ бы то ни было, мы здѣсь останавливаемъ Чехова. Мы понимаемъ его только до известной черты: мы готовы еще попрежнему восхищаться имъ, но онъ насъ больше не увлекаетъ. Почему? Можетъ быть, потому, что мы прикасаемся здѣсь къ неискоренимой противоположности русскаго духа и французскаго. Мы не такіе веселые, какими насъ воображаютъ многіе русскіе. Мы не такіе веселые, какъ наши отцы, и, озираясь по сторонамъ, мы сильно опасаемся, какъ бы наши сыновья не имѣли основаній быть еще менѣе веселыми, чѣмъ мы. У насъ есть, значитъ, свой пессимизмъ. Но пессимизмъ Чехова для насъ непостижимъ и насъ давитъ. Передъ лицомъ этого Гамлета мы оказываемся мольтеровскимъ Филиномъ, у котораго мало обольщеній, но который извлекаетъ свое изъ золь этого міра и вѣрить, что въ конечномъ счетѣ все уладится. Даже для Россіи, послѣ всего, что произошло, мы остаемся большими оптимистами, чѣмъ Чеховъ, и охотно отыскили бы ему, повторяя слова Тургенева о красотѣ русскаго языка, какъ залогъ русскаго будущаго, слѣдующимъ аргументомъ ad hominem: «Какъ можете вы быть такимъ пессимистомъ въ отношеніи народа, который произвелъ насъ, который въ теченіе вѣка съ четвертью завоевалъ такое мѣсто въ мировой литературѣ?» Можетъ быть, меня увлекаетъ мой французскій оптимизмъ, но я не могу не вѣрить въ то лучшее будущее, которое и Чеховъ въ сущности недоускалъ, но наступленія котораго онъ ожидалъ черезъ двѣсти-триста лѣтъ. Будемъ, господа, надѣяться всѣ, что онъ ошибся двумя нулями.

EMILE NAUMANT.